*ХОЖДЕНИЕ НА КАМЕНЬ**

«Полярный Урал!» Всего два слова, а как много образов они рождают в воображении. Видятся промёрзшие насквозь хребты, хрустальные потоки, всполохи северного сияния, тишина, безлюдье, незаходящее летом солнце и тучи гнуса.

Как всякому российскому путешественнику мне давно хотелось пройти по этим суровым местам, но осуществить желание удалось, лишь в 2010 году, когда… вышел на пенсию.

Екатеринбургская команда, возглавляемая моим другом - Николаем Рундквистом (четырёхкратным чемпионом СССР и России по туризму), уже несколько лет ведёт сбор материалов для готовящейся к изданию в 2012 году Большой Энциклопедии Урала. В этом фундаментальном труде будут даны описания и фотографии всех горных кряжей, значимых вершин, рек, озёр, растительности, животного мира Каменного пояса, отделяющего Азию от Европы, начиная с южной и кончая северной оконечностью. А также представлена статистическая и историческая информация.

На июль 2010 года были запланированы натурные съёмки самого труднодоступного и слабо изученного района Полярного Урала с оценкой численности и уточнения мест кочёвки тамошних оленных, или, как они сами себя называют – диких ненцев.

Я попал в состав этой экспедиции, состоящей из профессиональных фотографов, географов и биологов, благодаря решительной поддержки Николая - молодёжь роптала, так как маршрут предстоял не из лёгких.
Но командор, хоть и мягкий по натуре человек, при необходимости становится диктатором и способен усмирить любого.

***

*До Воркуты** - отправной точки маршрута, ехали на поезде. Мелькавшие первые двое суток за окнами нашего купе хвойные леса, после Полярного круга, потихоньку сменились на всё ещё цветущую, несмотря на середину июля, холмистую Большеземельскую тундру с белыми пластами снега по северным склонам.*

**Камень - так в старину величали Уральский хребет.*

***Воркута - с ненецкого переводится как «много медведей» (сейчас там их конечно нет).*

Воркута, по меркам Заполярья, довольно крупный шахтёрский город в котором все здания стоят на сваях – внизу вечная мерзлота. После развала СССР численность населения, несмотря на нашествие кавказцев (в основном азербайджан взявших под свой контроль магазины и рестораны), год из года сокращается. Если в 1991 году в городе и посёлках-спутниках суммарно проживало около 300 тысяч человек, то сейчас всего 110 тысяч. В центре город ещё силится соответствовать званию столицы Севера, но на окраинах большинство микрорайонов опустело, и дома там стоят как призраки на тонких ножках.

О грандиозных проектах строительства новых угольных шахт, начале разработки богатейшего месторождения титана и постройки взлётно-посадочной полосы для космического челнока «Буран» в Москве уже никто и не вспоминает. Больше половины шахт, в том числе новейшие, закрыли и сравняли с землёй.

Эта ситуация вызывает недоумение: коксующийся уголь добываемый здесь уникален по своему качеству. Специалисты утверждают, что он самый лучший для варки стали и были времена, когда его экспортировался в 12 стран мира.

***

Поздно вечером - это можно определить только по часам (здесь летом и ночью светло, как днём) загрузились в многоцелевой, легко бронированный военный вездеход и за тринадцать часов езды по заливаемой дождём, жёлтой от цветущих купальниц тундре, мягко ныряя в заросшие стелющейся арктической ивой овраги, пересекая каменистые ложа речушек, достигли места слияния Малой Кары с Большой (эти две реки и дали название холодному Карскому морю). Отсюда начинался наш маршрут: по долине Большой Кары проще всего добираться до водораздельного перевала, за которым Азия сменяет Европу. С погодой повезло: тут тихо, солнечно. Даже редкие облачка недвижимы - стоят, как парусники в полный штиль.

Груз (три палатки, спальники, два катамарана, котлы, тёплые вещи, фото, видео аппаратура и четырёхнедельный запас продуктов) распределили поровну, без скидок на возраст и физические данные. Когда я закончил утрамбовывать свою поклажу, Борис Добровольский подошёл и приподнял рюкзак, убедиться, что меня не обделили. Я с содроганием оглядываю разбухшее чудовище – его размеры пугают. Тоже пытаюсь приподнять и прихожу в ужас – впечатление, будто рюкзак набит камнями – такой тяжёлый! Но отступать поздно. Перекладываю груз так, чтобы сместить центр тяжести поближе к спине, подгоняю ремни, застёжки. Во, уже полегче!

Командор, удостоверившись, что поляна убрана, мусор закопан (с этим у нас строго), костёр потушен, закинул с колена свой рюкзак и мерно зашагал по береговым валунам на восток. За ним гуськом, след в след, потянулись остальные. Я последним.

Ступая между низеньких кустиков голубики и карликовых берёзок, по пружинящим мхам, углубляемся в огромную котловину, обрамлённую с трёх сторон горными цепями, угрожающих нам хищным оскалом острозубых пиков. Проходим мимо трапециевидной, внушительных размеров горы с косо нахлобученной снежной шапкой. Слышится утробный гул. Он всё громче. Заинтригованные мы всё чаще поглядываем в ту сторону. Наконец видим вырывающийся из узкой щели мощный поток. Домчавшись до последнего уступа, он искрящимся клинком летит в гранитную чашу. Зрелище завораживающее! Представляю, какие здесь бастионы и исполинские органные трубы-сосульки вырастают зимой! Особый колорит водопаду придают обширные снежники по бокам и лежащие на них дикие северные олени - прячутся, по всей видимости, от комаров.

Заметив вереницу горбатых существ на двух ногах, они насторожились, но не встали, лишь всё время, пока мы были в поле их зрения, бдительно поглядывали.

Медленно плетусь в конце вытянувшейся вереницы. Устал. Так быстро! Прилагаю все силы, чтобы сократить разрыв, но безуспешно. Боже, что же будет дальше?! Неужели подведу?! Успокаиваю себя мыслью, что первые ходки для меня всегда самые тяжёлые. Через дня два, надеюсь, втянусь.

Настроение мерзкое. Хорошо хоть горы радуют - чем глубже забираемся в этот вздыбленный, перекорёженный исполинскими силами мир, тем величественней и суровей отроги. Заснеженные сверху, понизу они покрыты жемчужными нитями ниспадающих ручьёв. Панорама сильно напоминает Кавказ.

Подойдя к облепленному ледниками хребту Оченырд, остановились на днёвку. Перекусив, сразу разошлись по радиальным маршрутам для сбора материалов. Я, не обременённый специальными заданиями, решил подняться на отдельно стоящую гору со столообразной макушкой, усыпанной угловатыми обломками и отснять панораму с высоты птичьего полёта.

Из-под ног то и дело с оглушительным треском выпархивали краснобровые куропатки, жировавшие на зелени терасс. Зайцы же так те просто толпами разбегались. Над головой, привлечённые замельтешившей живностью, появились и принялись нарезать круги стервятники.

На полянках, покрытых цветущим багульником и морошкой, несколько раз попались ветвистые рога диких оленей, сброшенные, вероятно, в прошлом году. Некоторые экземпляры были просто великолепны. Невольно пожалел, что не могу взять их с собой. Весной у оленей пробьются нежными и упругими ростками новые. За лето опушённые шелковистым мехом отростки превратятся в крепкую, прочную кость с множеством изящных ответвлений. А зимой они опять окажутся на земле.

Достигнув вершины гольца, вскарабкался на полуразрушенный останец и огляделся. Во все стороны света, кроме запада, где до самого Белого моря тысячекилометровой, широкой полосой тянулась мшистая тундра, дыбились величественные нагромождения отрогов, клыкастых пиков. Горы! Горы! Красота, застывшая в камне! Казалось бы, нет в этих неприступных изломах, уступах, расщелинах никаких закономерностей и пропорций. Один хаос. Но какой! Сколько в нём неукротимой мощи и непостижимой гармонии. Среди всех земных творений Создателя, думается, именно в горах заключена высшая степень совершенства. Наши палатки отсюда смотрятся разноцветными уютными островками среди обнажённых скал и искрящихся на солнце озёр.

Ночью меня несколько раз будил стук, похожий на удары капель дождя. Но каждый раз выяснялось, что это комары бьются о тент палатки

(они здесь громадные - размером почти с муху). Утром дежурные, выбравшись из палатки, увидели следы росомахи. Они чётко отпечатались и на песке и на иле. Слава богу, мешки с продуктами не тронула (из-за тесноты, часть груза, прикрыв куском полиэтилена, оставили под открытым небом). Сгрызла только несколько сухарей, забытых на крышке котелка.

***

Поднявшись вдоль речушки со странным названием Мадыяха, местами всё ещё перекрытой снежниками, перевалили в бассейн речки впадающей в озеро Большое Щучье - самое крупное и самое глубокое на Урале (глубина 136 метров). И здесь зайцев тьма. Местами идёшь, а ноги буквально скользят по сухим шарикам помёта, словно по льду.

Наконец-то я вошёл в рабочий режим и уже получаю от нагрузки удовольствие. Зашагал как в молодости: легко и быстро.

Проходя мимо устья ключа, выбегавшего из распадка забитого снегом, увидели необыкновенное зрелище – несколько десятков черноспинных хариусов сгрудились прямо под сливом. При нашем появлении они бросились на глубину: вода в реках от долгого солнца потеплела, и они охлаждалась в ледяной воде.

Дойти до озера в тот день не удалось. Настигнутые порывами ветра сдобренного холодными секущими каплями, мы вынуждены были встать прямо в горловине ущелья, в трёх километрах от Щучьего. И напрасно – надо было пройти ещё хотя бы с километр. Дело в том, что в этом месте ущелье всё равно, что гигантская аэродинамическая труба, в которой любое движение воздуха превращается в неукротимую стихию. Ветер довольно скоро достиг такой силы, что валил с ног. Соорудив из камней ветрозащитные стенки, с большим трудом натянули палатки. И тут ветер неожиданно стих. Мы обрадовались – пора было готовить ужин. Все вылезли наружу, развели костёр. Но горные духи видимо решили поиграть с нами - пригнали ветер на пару с густо хлещущим дождём. Жаркий костер стал на глазах чахнуть. Мы разбежались по палаткам, а дежурившие командор и Андрей Тихонюк склонились над чадящим костром и мужественно пытаются раздуть угли. На них уже страшно смотреть: мокрые лица в саже и пепле, глаза слезятся от дыма. Накрыв костёр телами, они, наконец, добиваются того, что, несмотря на разверзшиеся хляби, вода в котлах закипает. В том, что поменьше преет

каша, а в большом заваривается чай. Мы счастливы, что не остались без ужина и хвалим ребят за проявленное упорство.

Прошёл час другой, а ураган не думает сбавлять напор. Дождь и ветер, то стихая, то усиливаясь, хлестали, рвали наши матерчатые убежища в общей сложности двое суток. Ко всему прочему сильно похолодало - температура воздуха упала до двух градусов. Всё пропиталось сыростью. Даже в спальниках бьёт озноб, а согреться и обсохнуть нет никакой возможности. Ветер, дождь, холод, сырость, угроза разрыва палатки сильно действовали на нервы. Нам уже казалось нереальным, что где-то нарядно одетые люди ходят в театры, в кино, что кто-то, уютно угнездившись в кресле, в это время склонился над книгой, и пьёт горячий чай со сливками.

Но мы не унываем – знаем, что рано или поздно буря стихнет и выглянет солнышко. Тогда согреемся, обсохнем и тоже будем пить чай, который для нас будет самым вкусным на свете - только испытав лишения можно в полной мере оценить всю прелесть не замечаемых в городе радостей.

Речка всё набухала. Вскоре, поток воды, поднимаясь и ширясь прямо на глазах, мчался грозным, рокочущим валом к озеру всего в двух метрах от наших палаток. Когда, часа через два, паводок так же резко отступил, а дождь ослаб, я не стерпел, и, одев, водозащитный костюм, отправился к озеру - надоело лежать и слушать вой ветра и грохот тента.

Благодаря тому, что ветер и дождь били в спину, до озера Щучье дошёл довольно быстро. Речушку, вытекавшую слева и перегораживающую путь к его берегу, одолел с трудом – без тяжёлого рюкзака сносило течением. Озеро штормило - метровые волны катились вдоль заваленных камнями берегов к южной, невидимой отсюда оконечности. Гор, обрамлявших водоём, не видно – они почти до подножья погружены в серую пелену низких облаков. Ветер срывал и уносил в их муть белые гребни волн.

Растительность здесь заметно богаче. Берёзы почти настоящие – по три-четыре метра высотой, правда стволы всё равно корявые и растут по нескольку штук от одного корня. Моё внимание привлёк стоящий посреди безлесого склона громадный камень правильной пирамидальной формы. Подхожу поближе. Вокруг свежие и уже позеленевшие кости, черепа. По всей видимости, я набрёл на жертвенник ненцев. Когда соприкасаешься с древними следами язычества, невольно проникаешься

почтением к людям, продолжающим совершать в этой глухомани обряды предков и к камню - бесстрастному свидетелю многовекового обычая.

На полянках, тянущихся, словно зелёные бусинки, натыкаюсь на свежие вороха обглоданных ветвей ивы и кончики каких-то мясистых стеблей, тут же - следы медведей. Парящая куча бурых колбасок быстро охладила мой исследовательский запал и я, торопливо отсняв панораму, повернул назад.

Встречный ветер и струи дождя теперь били прямо в лицо. Очки тут же залепило каплями дождя, и я с трудом различал тропу (а без очков вообще не вижу – минус одиннадцать диоптрий). Каждый шаг против ветра требовал значительных усилий. Чтобы уменьшить парусность я пригибался к земле. Вобщем идти обратно было намного трудней.

В этой непогоде всё же имелся один плюс – не было комаров, а то в предыдущие дни в ботфорты болотников их набивалось столько, что хватало на полновесный бифштекс.

Боковой ручей набух, того и гляди выплеснется из берегов. В поисках брода, пошёл вверх по течению. Километра два неутомимо карабкался по каменистому берегу. Он становился всё круче, и мне приходилось, чтобы не сорваться, взбираться выше и выше. Туман с высотой становился всё гуще, и вскоре видимость упала до четырёх метров. Чтобы понять где я, решаю спуститься пониже - там туман должен быть пожиже и возможно удастся осмотреться. Сделал шагов тридцать - передо мной неожиданно встала уходящая вверх скала. Иду направо, налево - и там каменные, вертикально стоящие плиты. Они, казалось, обступили меня. Попробовать взобраться? От одной этой мысли начинают непроизвольно дрожать ноги. Чувствую себя зверем, попавшим в капкан. От усталости наваливается отупляющее безразличие. Я уже не понимаю куда надо идти, чтобы спуститься к воде. Пытаюсь взять себя в руки и сосредоточиться: ведь ошибиться нельзя - ребята уже наверняка волнуются. После недолгих раздумий решаю вернуться назад и потом идти навстречу ветру.

Ноги скользят по мокрым камням. То и дело падаю. Наконец, сквозь рёв ветра улавливаю грозный гул речного потока. Я сразу повеселел, ощутил прилив сил!

Счастливый выбираюсь на заваленный громадными глыбами берег и, прыгая по ним, как заяц, ищу брод. Наконец вижу участок, где пенистый поток разбивается на три рукава. Первые два преодолел сходу, а в

третьем струя оказалось такой мощной, что подошвы болотников предательски заскользили по камням. Чувствую – ещё чуть-чуть и меня оторвёт и понесёт, измолотит об острые камни, превратив в кровавую отбивную. Отступил на островок, покрытый валунами.

Чтобы увеличить вес, взял в руки двухпудовый камень и опять зашёл в речку. Теперь ноги как будто прилипали ко дну. Поток всё глубже. Вот буруны захлестнули края высоких голенищ и ледяная вода хлынула в сапоги. Наплевать! Сейчас главное не упасть…

До лагеря добрался промёрзший до костей. Пришёл в самый раз - ребята уже готовились выйти на поиски. Дрожа, переоделся в сухое (сухое относительно того, что было на мне после «прогулки» к озеру), залез в спальник, но так и не согрелся. Всю ночь трясся, как мокрый суслик, выскочивший из затопленной норки.

Командор каждые полчаса смотрит на показания электронного барометра. Наконец давление стало расти. В разрыв туч глянуло и тут же спряталось солнце – а время, кстати, три часа ночи. Полярный день это, конечно, занятно. Привычные понятия: день-вечер-ночь-утро, здесь сливаются и остаётся лишь день. Из-за этого в трёх сутках, при желании, можно устроить четыре: поспал – пошёл, поспал – пошёл. Ведь здесь и ночью можно идти так же, как и днём - светло. Честно говоря, эта особенность Заполярья моему организму не понравилась. Экзотика хороша на один день, а в дальнейшем круглосуточный свет вызывает ощущение дискомфорта. От биологических часов ни куда не деться - человек, рождённый в средней полосе, генетически настроен на режим предусматривающий чередование света и тьмы.

Низовой ветер заметно ослабел и, хотя тучи продолжали утюжить горы, дождь прекратился. Командор тут же дал команду сворачивать лагерь.

Дальнейший маршрут пролегал по самым глухим, непосещаемым людьми, из-за удалённости и сложности прохождения, местам. Те редкие путники, что добираются до озера Большое Щучье, обычно поворачивают направо и по его берегу выходят в бассейн Оби. Мы же, не дойдя до озера два километра, свернули налево. Туда, где до сих пор не бывали ни туристы, ни, возможно, даже сами ненцы.

Весь день шагали с тяжеленными рюкзаками вверх прямо по бурному потоку, текущему в узком каньоне, по колено в воде, забираясь в глубь горного массива.

Через пять ходок видим, что сузившаяся щель упирается в каменную стену. Всем кажется, что там тупик, но откуда тогда столько воды? Подойдя почти вплотную, поняли в чём дело – щелеобразный каньон в этом месте сворачивал под прямым углом на север.*

* *Наш командор считает, что самый оптимальный энергосберегающий режим движения: 20 минут хотьбы и 10 минут отдыха.*

Голые, местами испятнанные зеленоватыми разводьями, берега, сближаясь, становились всё отвесней, превращая речку в каскад небольших, кипящих бурунами, водопадов. Такие участки мы вынуждены были обходить: карабкались на скалы и, плотно прижимаясь к камням, нащупывая ногой трещину или выступ, ползли буквально прилипая к стене, ежесекундно рискуя сорваться вниз. Выручала сноровка и то, что камни уже подсохли.

Наконец впереди замаячил гребень. Островерхие пики, похожие на суровых стражей, стояли плотным частоколом в котором, казалось, не найти прохода. Обливаясь потом, продолжаем карабкаться всё выше и выше. Ручей уже только гремит под камнями. Отдыхаем через каждые три минуты. Икры ног начинает сводить судорога. Наконец по мелкой, то и дело оживающей под ногами осыпи, подошли к громадным скалам. С трудом отыскали проём между отвесных зубцов. Поочереди протискиваемся через него и по обледенелым полкам поднимаемся чуть живые на водораздел. Гип-гип, ура! Дальше легче - впереди спуск!

Валимся на снег и первые минуты не в состоянии даже улыбаться.

Отдышавшись, огляделись. Во все стороны расходились заснеженные горные цепи. В прозрачном воздухе пилообразные гребни и морщинистые грани гор проступали столь чётко и рельефно, что казалось, будто они специально придвинулись к нам. Трудности сразу забыты. От увиденной красоты и царящего здесь вселенского покоя на душу легли восторг и умиротворение. Панорама настолько притягательна, что с трудом отрываем от неё взоры. Особенно манили хребты, убегающие за горизонт. Мне так и хотелось расправить крылья и полететь туда.

По каменистому скату осторожно спускаемся на плато почти всё покрытое слежавшимся фирном. В глубоких карах тоже снег. Здесь я зевнул трещину и… провалился по пояс. Ступню на левой ноге при этом вывернуло так, что растянул связки. Как наступишь, так от боли хочется кричать, но терплю, чтобы не задерживать товарищей. Иду, стараясь не нагружать травмированную ногу. Мой организм был настолько мобилизован на движение, и так велико желание не подвести группу, что вскоре и боль отступила.

Зато, когда вечером стянул сапог, увидел, что ступня распухла так, будто, её накачали воздухом, а голеностопный сустав опоясывала синюшность. Обильно смочил мочой носок и, натянув его на ногу, надел сверху полиэтиленовый пакет. Уринотерапия помогла – к утру синюшность побледнела. Правда опухоль держалась ещё недели две.

Переночевав в скальном затишке продолжаем спуск. Склон сплошь в свежих осыпях. Лишь кое-где торчат останцы, покрытые сыпью багряных лишайников, делавших их похожими на зажжённые факела. Как только ступишь на камень, близлежащие приходят в движение и предательски ползут вниз. Не расчётливо прыгнув на крупный валун, я поскользнулся и грохнулся перед ним. Потревоженный камень ожил и поехал на меня, как танк. Едва успел убрать ноги с его дороги.

Было очевидно, что надо как можно быстрей выбираться отсюда, но совсем некстати наполз туман. При видимости двадцать метров было непонятно куда идти. Выручило безошибочное чутьё многоопытного командора. Через полчаса он вывел нас по уступчатой ложбине на монолитный каменный скат. Здесь начался спуск, причём довольно стремительный.

Наконец, окончательно выскакиваем из белёсой мглы и видим длинную щель, по дну которой течёт пенистый ручей. Шагая вдоль него, упираемся в ультрамариновое озеро, карового происхождения, с плавающими, как бы подсвеченными изнутри, льдинами, почти айсбергами, отколовшимися от сползающих сюда с двух сторон глетчеров. Измученные жаждой, опускаемся на колени и устраиваем водопой. Какая чудесная вода! Студёная, чистая, вкусная!

По многим признакам очевидно, что места здесь абсолютно девственные. Особенно впечатлила покрытая густым инеем, лысая, похожая на голову седого старца, макушка горы Байдарата, четко

отражающаяся в зеркальной глади озера и перьевидные останцы вокруг неё. На ультрамариновом небе ни единого облачка, только там, откуда мы пришли, всё ещё табунятся рваные лохмотья туч.

Разбившись на группы, два дня мотаемся по живописным, местами обледенелым, кряжам, собирая материал для энциклопедии.

Господствующая над всеми окрестными отрогами Байдарата оказалась самой удачной точкой для фотосъёмок. С неё хорошо видно, как с заснеженного водораздела тоненькими серебристыми нитями стекают речушки. Самая заметная из них - Малая Хуута. Достигнув подножья горы, она устремляется на восток, туда, где хребты расступаются и открывается проход в широко раскинувшуюся тундру.

Завершив запланированные радиальные маршруты мы к ней и направились по забитому, где курумником, где многометровым фирном, корытообразному жёлобу. Пройдя по берегу реки ещё километров семь, собрали катамараны, тщательно закрепили груз и понеслись по тёмно-зелёной воде, то и дело зарываясь носом в стоячие волны. Несмотря на сильное течение, комары не отстают - серая туча так и висит над нами.

Каждая минута дарит новые виды и впечатления. Вот показались стоящие по колено в воде дикие северные олени. Они не обращают на нас внимания. Даже обидно как-то. На плёсах то и дело вспугиваем стайки гусей, уток.

Горы всё ниже. Пошли холмы со сглаженными вершинами. Их зелёные склоны, а пойма особенно, раскрашены весёлой палитрой бесчисленных цветов. Появились первые лиственницы, правда, довольно худосочные.

У меня почему-то пропал аппетит. Приём пищи превратился из желанного действа в необходимую процедуру. Вдобавок к этому стали опухать кисти рук. Опухать настолько, что пальцы в кулак не сразу сожмёшь (сжимаются с трудом и не до конца).

Вчера нам изрядно пощекотал нервы семикилометровый Беломраморный каньон, пропиленный в каменистом плато мощной струёй Малой Хууты. Особенно жутко было при входе в горловину - за резким сужением следовал не менее резкий поворот. И здесь творилось что-то невообразимое. Тугая струя, с силой врезаясь в ребристую каменную

стену, вскипала водоворотами, вздымавшимися мощными буграми, а маневрировать из-за малой ширины русла довольно сложно.

Чтобы избежать осложнений, поднялись на отвесный берег для разведки. Каньон отсюда выглядел ещё более грозно. Пройдя по его кромке, обсудили и детально согласовали прохождение самых опасных участков. Благодаря этому наш экипаж прошёл горловину и пороги без единой царапины, а второй экипаж решил прорваться без разведки, и зря. Корму припечатало к скалам так, что катамаран едва не опрокинулся. Хорошо рама крепкая, выдержала. Но левый баллон порвало. Выплыв на тихую воду, ребята сразу причалили к берегу. Разгрузили платформу и вытащили судно на берег. Здесь наш главный фотограф и неутомимый балагур - Петя Захаров мастерски зашил разрыв капроновой ниткой, а Боря Добровольский наложил на смазанное клеем место заплатку. Через полчаса мы уже мчимся по «трубе».

Зажатая среди отвесных стен речка, разорванная камнями на пенистые струи без устали металась из стороны в сторону, резко падая на порожистых сливах. И это среди идеально ровного плоскогорья! Отгребаться от мокрых валунов пришлось столько, что под конец вёсла буквально валились из рук.

На участках между порогами попадались ямы глубиной до пяти метров. В прозрачной воде были хорошо различимы тёмные силуэты крупных рыбин - неужели таймени?! Опустили блесну – к ней тут же метнулось несколько чёрных молний. Сильный удар - хищная рыба глубоко заглотила обманку. Осторожно подтягиваем рвущуюся на глубину добычу. Вот показался огромный, цветистый, как радуга, спинной плавник - хариус! Но какой крупный! Когда вытаскивали на катамаран второго, удилище сломалось в месте соединения колен. В итоге, пока проходили каньон, натаскали радужных рыбин и на уху и на жарёху.

На одной, особенно уловистой, яме я предлагаю постоять с пару часов, но Коля непреклонен – итак выбились из графика.

Плывём по размашистой равнине с тучными лугами, покатыми холмами. На них сиротливо торчат уродливо изогнутыми свечками обтрёпанные ветрами, скрюченные морозами лиственницы.

Тут Малая Хуута впадает в речку Байдарату, по краям прикрытую нерастаявшими с зимы наледями. Теперь нас сопровождает не только

шум воды, но и периодический грохот, похожий на раскаты грома. Это падают, рушатся на припёках увесистые глыбы прибрежного льда.

***

Лиственницы радуют глаза всё чаще. Местами они уже растут рощицами.

Без осложнений прошли ещё один щелеобразный, правда покороче предыдущего, каньон глубиной метров двадцать. Его дно густо усыпано отвалившимися от стен громадными валунами и чтобы не напороться на их острые края, приходилось отгребаться на пределе сил. Здесь нас неожиданно атаковала пара копчиков. Один из них выстрелил струю помёта прямо в наш катамаран. Видимо поблизости гнездо с птенцами и чадолюбивые родители отгоняли нас.

В тех местах где берег пологий и илистый, по отпечаткам лап можно определить кто обитает в этих краях. Встречаются следы и крупных хищников: медведей, полярных волков.

Все дни сплава, вечерами и во время остановок мы таскаем из хрустально чистой, с изумрудным отливом воды громадных, весом до трёх килограммов (!) чёрных хариусов со спинными плавниками, напоминающими развёрнутый парус. Красивые и сильные рыбины – схватив блесну, бьются так, что ещё у одного спиннинга в двух местах переломился гибкий хлыст.

Теперь рыбное меню у нас каждый день. Особенно полюбился всем свежепосоленный хариус. Нарезанный тонкими ломтиками он буквально тает во рту!

После впадения в Байдарату Большой Хууты, оказавшейся почему-то заметно меньше Малой, Байдарата - уже полноводная, широкая река. Уральские горы отсюда уже чуть видны – маячат в сизой думке, невзрачной, тёмной зубчатой полосой, прочерченной по горизанту.

Шиверы и белопенные пороги исчезли, тем не менее, течение сохраняет завидную резвость. Казалось бы, плыви и радуйся, но увы - надо причаливать, закидывать рюкзаки на спину и тридцать километров, с катамаранами в руках, топать по тундре на юг к реке Щучья.

Ох, как тяжко, оказывается, идти с грузом по мшистому ковру. Да ещё от дурманящего запаха дружно цветущего багульника кружится

голова. Здесь он порослей, чем в горах – не менее 30 сантиметров высотой. И грибов, а это в основном подберёзовики, стало намного больше.

Чем дальше, тем труднее даются километры. А тут новое осложнение: зачастили замысловатые переплетения карликовых берёзок, сменяемых в низменных местах ползучими зарослями арктической ивы. Они перегораживали путь широкими, труднопроходимыми полосами, перемежающимися кочками и ямами, заполненными ледяной водой.

В заполярье небосвод кажется заметно ниже, чем в средних широтах. Здесь он как бы прижат к земле и его сплюснутое пространство обычно заполнено мешаниной из облаков всех видов и мастей. Тут и могучие, бугристые башни, и высоко взлетевшие полупрозрачные перья, и тяжёлые плоские блины у земли...

Вечером пошли порыбачить на озеро. Хватали одни щуки и все словно оттампованные на одном конвейере – с килограмм, не более. Только Борису повезло - вытащил пяти килограммовое «брёвнышко». В нём нас сразу смутило неестественно раздутое брюхо. Первая мысль - солитёрная! Но, когда распороли, поняли, что страхи напрасны – разбойница заглотила чирка - небольшую уточку. Сытая, а не устояла - позарилась на блесну. Жадность её и сгубила.

Я, раззадоренный знатным трофеем товарища, пошёл попытать счастья за моренным валом на соседнем озере. Думалось, что уж там-то щуки ещё крупнее! На полпути меня остановил резкий, полный ужаса крик. Оборвавшись на высокой ноте, он заметался по озеру. Через несколько секунд крик повторился, но потише и глуше. Любопытство пересилило страх – решил посмотреть, что там происходит.

Пройдя метров сто, увидел оленёнка, скорчившегося между кустиков полярной берёзы. Мелкая дрожь волнила светло-коричневую шерсть на боку. Рядом лежал громадный волк и лениво слизывал кровь, пульсирующей струйкой вытекающую из шеи жертвы. Тут уж мне не до рыбалки стало. Пригнулся и как можно тише отступил, не сводя глаз с хищника.

Встревоженные моим рассказом ребята, приготовили на ночь кто топор, кто нож, что у кого было: вдруг поблизости целая стая серых. Хотя врядли - летом волки живут парами, растят потомство. Но, как всегда в таких случаях, здравый смысл отступает на задний план - спали, просыпаясь от каждого шороха.

Днём нашу группу очередной раз настигла буря. Налетела она с северо-востока. Похоже, что мощные ветродуи в Заполярье не редкость. И опять ветер валил нас с ног, вырывал из рук катамараны (чтобы уменьшить парусность, баллоны сдули), а ночью яростно трепал обветшавшие палатки. Порой он накидывался и мотал их с такой силой, что сердце сжималось – сейчас, сейчас порвёт!

Хорошо, что каждые шесть – семь километров пустынную тундру оживляли остроконечные ненецкие чумы – крытые брезентом конусовидные каркасы из 25-35 шестов, высотой около пяти метров. Рядом с десяток ездовых и грузовых нарт, вытянувшихся в длинную цепочку: где выпрягли оленей, там и стоят, дожидаясь следующей перекочёвки.

Поскольку самые сильные ветра дуют с северо-запада, внутри чума установлен мощный упор. Его верхний конец подпирает жерди через изогнутую поперечину, а нижний вкопан в землю.

Стоят чумы, как правило, на самых возвышенных, продуваемых местах – там, где меньше комаров, но, в тоже время, и недалеко от воды.

Нас же от атак кровососов спасал специальный крем. Тем не менее, вся одежда, гуще всего головные уборы, постоянно сплошь облеплены длинноносыми кровопийцами, а перед лицом их вьётся такое множество, что дышать приходиться сквозь зубы.

Ненцы радовались нам, как дети при виде новой игрушки. (Люди, а тем более новые, здесь большая редкость). Глава семейства, без лишних расспросов, приглашает в чум, усаживает на мягкие подушки и шкуры поговорить, попить чайку на ягодах. Жаренную рыбу(летом это основная пища ненцев) с хлебом подавали со словами: «Ешьте хорошо, знайте - ненцы добрые люди».

Мы же, получив возможность не только пообщаться, но и хоть немного восстановить силы, радовались вдвойне. С блаженством пили чай, но ели понемногу - девять ртов могли нанести ощутимый удар по запасам гостеприимных хозяев.

Первым на нашем пути оказался чум ненца Ильи. В нём, кроме хозяина, живут: жена, пятеро детей, тёща и … бойкий сорочёнок. Он ночует в чуме уже два месяца. Утром улетает через дымовое отверстие, а к вечеру возвращается, садится на перекладину и стрекочет - рассказывает о том, что видел.

Женщины все в национальных платьях с цветистым орнаментом. Между собой общаются на родном языке, довольно приятном на слух. Говорят тихо, можно сказать вполголоса.

В центре чума очаг с дымящимися мелкими сучьями полярной ивы, над ним две поперечины, на которых вялится, распластанная вдоль хребта на две половинки, рыба. На прокопчённых крючьях висят чёрные котлы. У очага - низенький столик. Справа и слева настелены окрашенные половой краской доски. На них, ближе к стенкам груды оленьих шкур, подушки. На полках посуда. По большей части старая, алюминиевая. Набор предметов обихода - минимальный. Меня поразило, что вроде бы маленький снаружи чум, внутри представляет собой довольно просторное жилище, в котором свободно размещались и мы, а это девять крупных мужиков, и хозяева с детьми.

Общаясь с Ильёй, выяснили, что ему, для того, чтобы обеспечить достаток в семье, необходимо иметь стадо не меньше 160 голов (100 важенок и 60 быков). 100 важенок принесут весной около 80 телят. Если 50 из них сдать, то заработаешь 220 -240 тысяч рублей. Этого вполне хватит на год. Все закупки делают в фактории Лабоpовая.

Сейчас стада пасутся на побережье Карского моря – здесь оставили для детей лишь телёнка на ножках ходулях. Оказывается, тундровые ненцы перегоняют стадо к морю до осени – там меньше кровососов. В чумах остаются женщины с детьми, старики и мужчины, гонявшие стадо в предыдущий год. Нынче оленей Ильи пасёт вместе с оленногонными собаками его брат - Пётр. Стадо вернётся только в конце сентября, и будет кочевать по местным пастбищам до весны, выбирая места, где поменьше снега и нет гололёда. В связи с этим байдаратские ненцы летом питаются преимущественно рыбой и дикоросами (особенно много употребляют дикий лук - черемшу).*

**Тундровые – ещё есть и лесные ненцы. Слово «ненцы» в переводе означает «человек». Вообще ненцы среди коренных народов российского севера, являются одним из самых многочисленных. В пределах одного Ямало-Ненецкого округа их проживает 24 тысячи, а всего от Печоры до Таймыра более 40 тысяч.*

Из разговоров с Ильёй и другими оленеводами мы почерпнули много полезной для энциклопедии информации. Особенно отрадно было узнать,

что число ненецких семей кочующих со своими стадами с каждым годом растёт. И пить стали значительно меньше. Многие, поскольку водку на местную факторию по решению депутатов поссовета перестали завозить, и вовсе не употребляют.

Ненцы считают, что если при еде кусочек упал на пол, это означает, что предки, живущие на небе, хотят поесть. Поэтому упавшее сразу бросают в огонь. И верят, что рыбу с хвоста есть нельзя. Нарушишь - рыба больше в сеть не зайдёт.

Чем глубже мы узнавали этих, отличающиеся природной скромностью людей, тем большую симпатию они вызывали. В них нет тщеславной мотивации к успеху и богатству. Поэтому они спокойны и довольны жизнью. Будучи потомственными рыбаками и охотниками, тем не менее, уступают русским промысловикам, потому, что, добыв необходимое для жизни, ненец теряет к охоте интерес – вступает в действие врождённый тормоз.

Для них характерно одухотворённое восприятие природы. Меня поразила образность и простота мысли высказанной Ильёй:
«Земля живая, люди маленькие комары на её теле. Кровь из неё сосут и сосут. Скоро наверно лопнут от жадности».

Сколько в этих словах оленевода правды и боли за будущее своей земли! Когда Илья рассказывал нам про доходы от продажи мяса оленины, кто-то, кажется Александр Блинков, резюмировал:
- Значит вашим кошельком является олень!?
На что Илья с достоинством ответил:
- Олень, не кошелёк, олень - моя жизнь. Не будет оленя – не будет ненца.
- Илья, а не скучно в чуме одним жить? – полюбопытствовал Андрей.
- Зачем скучно. Рыбу ловим, дрова готовим, нарты делаем. Летом к соседям в гости ходим, они к нам ходят, зимой на нартах ездим. Совсем скучно станет - с огнём говорим. Он много знает. Он много видел когда был деревом. Ненцу скучать некогда.

***

Впереди мореные валы. Между ними множество озёр самых разных размеров, соединённых извилистыми протоками. Мелководье бороздят утки разных мастей, пореже гуси. А из-под ног с оглушительным треском разлетаются отъевшиеся куропатки.

Поднявшись на очередную мореную гряду, увидели, наконец, широкую долину, разрезанную мутно-серой Щучьей - размашистой и многоводной рекой. Из-за стылого ветра, гнавшего наперекор течению метровые валы, сплавляться по ней невозможно. Порывы ветра достигали такой силы, что гребни волн буквально рвало в клочья.

Ожидая ослабления урагана, спустились в ложбину, густо заплетённую ветвями малорослой ивы. Здесь было так тихо, что лист не шелохнёт. Однако надвигавшаяся грозовая туча заставила-таки нас задолго до вечера подняться на увал и искать чистый, ровный пятачок для лагеря. При установке палаток ветром сломало несколько стыков углепластиковых дуг. Пришлось ножом заострять концы под диаметр соединительных втулок.

Утром следующего дня, хотя натиск ветра ослаб не намного, всё же поплыли. И в этот-же день, основательно намучившись - из-за встречного ветра почти половину пути тянули тяжело гружённые катамараны бечевой, добрались до единственного в байдаратской тундре постоянного селения - фактории Лабороваяа. Расположена она на высоком берегу Щучьей в километре от основного русла.

В этом посёлке, состоящем из двух десятков домов в одну улицу, живёт пятьдесят человек, а прописано пятьсот – остальные кочуют и приезжают в факторию на нартах, запряжённых оленями, лишь за продуктами или за медицинской помощью.

Мужчины ездят на нартах, имеющих только заднюю спинку. На женских ещё есть боковина - это чтобы удобно было ездить с детьми. Управляют оленями с помощью вожжи, прикреплённой к недоуздку самого сильного быка. Товары возят на больших - грузовых нартах. Есть ещё специальные нарты для перевозки чумов (жердей, меховых и брезентовых покрышек).

Нас удивило то, что в такой глухомани стоит церквушка. Маленькая, но внутри очень уютно, много (не меньше тридцати) икон. Православие давно прочно вошло в жизнь ненцев благодаря его схожести с их мировоззрением. У ненцев тоже был небесный бог (Нум), живущий на седьмом небе. А под семью слоями вечной мерзлоты властвовал его супротивник – бог смерти (Нга). Того, кто поддался соблазнам и попал во власть подземного бога Нга, ожидали муки, а кто жил честно, того после смерти ожидала вечная радость в обители небесного бога Нум.

Что любопытно, ненцы, в отличие от христиан, полагают, что силы этих богов равны и что именно это поддерживает баланс на Земле. Мудрое суждение! Видимо поэтому, борьба добра с силами зла длится тысячелетия, но никто не может взять верх.

Заглянули мы и в школу. Оказывается это не просто место, где учат читать, считать, а ещё и национальный ликбез. Здесь наряду с обязательными предметами дети постигают азы тундровой жизни: обучаются, как ставить чум, пасти оленей, шить меховую одежду.

Интересно устроена комната для младшеклассников: движущиеся полукругом шторы напоминают детям чум, вместо парт мягкие подушки. Рядом комната, в которой стоят чучела животных, обитающих в тундре, парят, подвешенные на леску, птицы. Вобщем воссоздана привычная, не травмирующая малышей обстановка. Фактически это семейный детский дом, устроенный удивительной, несгибаемой воли женщиной - Анной Павловной Неркаги. Здесь одной семьёй живут и её дети, и дети со всей Байдаратской тундры. Она стала для них и матерью, и учителем, и духовным наставником, и жизнеутверждающим примером.

Это благодаря Анне Павловне здоровый образ жизни стал нормой среди её сородичей. Сейчас от ненца не услышишь традиционное: «Сарка тара?» (Водка есть?).

Помогла Анна Павловна и нам. По её распоряжению водитель «Урала» за семь часов неимоверной тряски доставил нас к вокзалу города Лабытнанги.

Всё – экспедиция завершена! Мы счастливы. Больше всех, пожалуй, я. Будучи самым великовозрастным, я очень переживал - боялся подвести ребят. Но, слава Богу, из-за меня не произошло ни одной задержки. А на пеших отрезках случались дни, когда именно я задавал темп движению.

Полярный Урал восхитил нас не только строгой, дикой красотой его голокаменных отрогов, но и богатством животного мира. Давно не доводилось видеть в таком количестве непуганых птиц и зверей (удивлённые зайцы подбегали к нам на десять – пятнадцать метров и разглядывали, недоумённо хлопая глазами).

А как оказывается прекрасна цветущая тундра! От дурманящего запаха багульника и других цветов голова порой шла кругом. Но и трудностей нам выпало более чем достаточно. Тут и «живые» осыпи, норовящие стащить в пропасть; и ревущие пороги и коварные трещины

в многометровом фирне; и переправы через стремительные потоки; и забивающие рот и нос кровососы.

Но более всего нам досаждали капризы переменчивой погоды. В своих многочисленных путешествиях я пережил не мало её причуд, однако с такими непредсказуемыми, как здесь, не сталкивался. Случалось, что в течении суток погода по три – пять раз меняла своё настроение, причём довольно круто, со скачками температуры от плюс двадцати пяти до нуля градусов (это в июле-то!). И самым тяжёлым экзаменом, устроенным Севером, оказался ураган, настигший нас на выходе из ущелья, в трёх километрах от озера Большое Щучье. Скорость ветра с зарядами дождя и мокрого снега, тогда достигала пятидесяти метров в секунду! Его напор был столь силён, что одну палатку разорвало в клочья, а у двух других переломало углепластиковые дуги и вырвало часть оттяжек. Из-за этого палатки прижимало к земле так, что тент ложился на наши лица, залепляя их мокрым капроном. Чтобы не задохнуться, приходилось подпирать его ногами.

Маршрут позволил нам увидеть и запечатлеть девственную красоту самых глухих, нехоженых уголков Полярного Урала. И понять, насколько богата Россия уголками практически не тронутыми цивилизацией.

Всё когда-то кончается. Вот и наша экспедиция завершилась. До новой встречи!

Уфа, 2010г.